

ЭТНОС И КУЛЬТУРА

© 1999 г., ЭО, № 3

А.А. Ж е л т о в

РУССКАЯ БАНЯ И СТАРИННЫЙ СЕВЕРНЫЙ БЫТ*

Вопрос о происхождении и бытовании русской бани имеет большое значение для прояснения «темных» моментов этнической истории русского народа: его рассмотрение может пролить свет на некоторые древние этнические и культуропреобразующие процессы. Русская баня «дожила» до современности в своем изначальном виде. Ареалы банных традиций во многом совпадают с зонами расселения отдельных летописных групп восточных славян. Эта особенность осталась почти незамеченной в научной литературе, хотя о русской бане написано достаточно много. Но большинство работ на эту тему описывали устройство и использование бани, а также полезные качества мытья и паренья в ней. Много исследований посвящено мифологии и обрядам, связанным с баней. Ее «география» также была освещена сначала Д.К. Зелениным, а позднее Е.Э. Бломквист¹.

На взаимосвязь между ареалом бани и расселением конкретных групп восточных славян было обращено внимание только в статье Н.И. Лебедевой и Н.П. Милонова, основанной на материалах Рязанской обл. Рассматривая вопрос о встречающихся в разных районах Рязанского края двух традициях – мытья в бане и в печи, авторы объяснили их появление и бытование существованием здесь с давних времен двух различных этнокультурных комплексов. Ареал бани на Рязанской земле, по их определению, находится к северу от р. Пра и к востоку от р. Ранова. В треугольнике рек Ока, Осетр и Пронь (древняя территория вятичей) бани ими не зафиксированы². На севере области они отметили совпадение района наличия бани с бытованием у населения среднерусского плана жилища и двора и особого варианта южнорусского костюма. По мнению археологов и антропологов, приведенному авторами статьи, север Рязанской обл. был местом расселения кривичей³.

Однако нужно отметить, что пока не ясно, были ли бани у всех групп кривичей. В областях восточнее Смоленской и Тверской земель, заселенных кривичами позднее своих исконных территорий, эта традиция в наше время распространена не повсеместно. В Ярославской губ. бани строились только в селениях вдоль р. Волги; во Владимирской и Московской губерниях – они также встречались лишь кое-где⁴. Даже в большинстве уездов Тверской губ. ими не пользовались⁵. Здесь бани имелись также в основном в деревнях вблизи р. Волги. В западных районах (области древнего обитания кривичей в Смоленской и Псковской землях) они известны издавна⁶. Эти данные могут свидетельствовать либо об отсутствии «банной» традиции у восточных групп кривичей и позднем появлении ее, либо о неравномерности расселения кривичей в междуречье Волги и Оки.

Иначе обстояло дело в Новгородской земле. Почти во всех областях, колонизованных новгородцами, бани известны с давних пор.

В тех районах, где бани у русского населения не зафиксированы, бытowała другая традиция – мытье (паренье) в печи. Описания его даются в сообщениях, присланных в

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 98-01-00059).

Этнографическое бюро кн. В.Н. Тенишева (1899 г.): «Бани у нас очень редко встречаются, несмотря на достаток леса; есть деревни совсем без бани, а моются у нас в печах, которые очень просторны и мыться можно одному свободно сидя. Причем подстилают под себя солому; свободно раздевшись в присутствии всей семьи, залезает один человек в печку с чугуном теплой воды. Ему подают веник и заслонку закрывают. Несмотря на видимое неудобство, крестьянин, выпарившись до "ломоты костей" и хорошо промывши голову "щелоком", потом окатывается водой на сарае. Приготовлений нужно совсем немного; только с утра поставить в печь чугун с водой», – сообщалось из Мольского прихода Тотемского у. Вологодской губ.⁷ Мытье в печи было характерно для более южных областей, находящихся в основном в пределах старых Рязанского и Владимиро-Сузdalского княжеств (Рязанская, Тульская, Московская, Ярославская, Владимирская, Калужская губернии)⁸. Как можно заметить, контуры ареала этого обычая в значительной мере совпадают с юго-западной и юго-восточной границами Московского государства XV – середины XVI в. (до падения Казанского ханства). Остальные южные губернии, заселенные гораздо позже (в XVIII–XIX вв.), его уже не знали: там имелась своя традиция, сходная с украинской, – мытье в деревянных кадках и корытах⁹. На Русском Севере также имелись целые территории, где не знали бани и мылись в печах. В последних районах, как считают исследователи, преобладала ростовская колонизация.

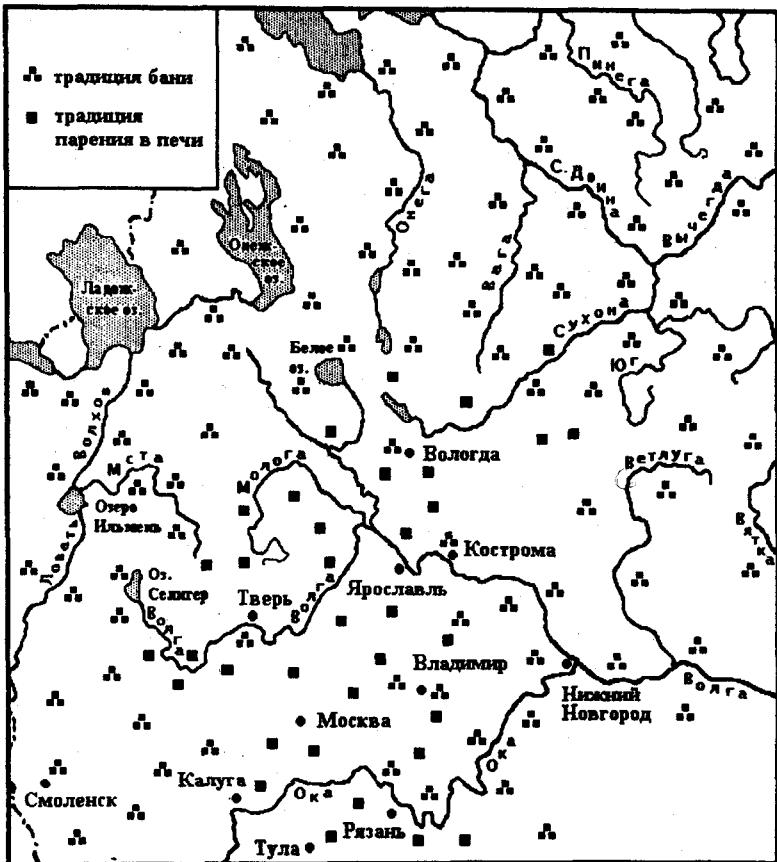
В конце XIX – начале XX в. печь в функции бани, кроме средне- и южно-русских земель, использовалась к северу от Верхней Волги в Ярославской, Тверской, Костромской и в южных районах Вологодской и Новгородской губерний. То же явление наблюдалось у эстонцев Восточной Латвии и у южных вепсов¹⁰. Скорее всего у финских народов обычай мыться в печи, а возможно, и бани севернорусского типа были заимствованы у соседнего русского населения.

Печи, предназначенные для мытья, строились вместительными, и часто в них мылись по двое¹¹. «Крестьяне парятся в печках, по два человека, но не более. Печи специально делают большие, так что удобно в них даже сидеть. Моются в них обычно часов в 6–7 вечера. Но для парения довольствуются утренним жаром. Перед мытьем настилают в печь сноп соломы. Залезши в печку и взяв с собой немного горячей воды и веник, обмакивают веник в воду и брызгают на стенки. Обычно появляется пар, а потом ложатся на солому и парятся»¹². Иногда в печи только парились, а думывались уже во дворе. Если же в печи и мылись, то вовнутрь ее ставили деревянное корыто, в которое стекала вода¹³.

Эта традиция сохранилась до настоящего времени, хотя начала быстро исчезать во второй половине XX в. из-за широкого распространения бань. Вместе с тем, во многих сельских районах бани стали появляться только в последние 5–15 лет, как это можно наблюдать на примере д. Павловка, расположенной у Рыбинского водохранилища, в 5 км от г. Череповца. Здесь, по словам информатора, «лишь пять лет назад срубили баню; все в печке мылись». На несколько лет раньше банные постройки стали сооружаться в селениях северной части Ярославской и в Грязовецком р-не Вологодской обл. Сходную тенденцию можно было наблюдать и в небольших городах. Например, в г. Любиме бани построили в 1970-х годах, а привычными они стали значительно позже. В соседнем же с городом богатом торговом селе у купцов бани появились еще в XIX в.

Но даже там, где бани начали строить 20–30 лет назад, люди зачастую моются старым способом – в печке. Аналогичную картину можно было наблюдать в начале века¹⁴. Иногда бани имели и другое назначение, как, например, в Солигаличском у. Костромской губ.: «Бани у нас строятся не для мыться, а для сушки и трепания льна. Моются же в печах дома»¹⁵. Такую функцию бани не следует считать чем-то необычным. На западе и юго-западе – в Гродненской и Черниговской губерниях – баня служила для тех же целей¹⁶. В Северо-Западном регионе отмечалась иная тенденция: для мытья использовался овин¹⁷.

Мытье в печи успешно конкурировало с баней в прошлом и, возможно, могло кое-где потеснить ее. Нужно сразу отметить, что такое допущение является чисто гипо-

Карта. Ареалы традиций русской бани и парения в печи

тетическим, так как документы XVI–XIX вв. говорят о постепенном расширении ареала бани. Стойкость двух различных систем гигиены, зачастую существовавших по соседству, объясняется консервативностью быта, тяготением людей к привычному укладу жизни. Примеры, свидетельствующие об устойчивости бытовых традиций, можно отыскать, например, в медицинской литературе конца XIX – начала XX в. Так, фельдшер из Тотемского у. Вологодской губ. П. Лукачев, отстаивая преимущества мытья в печах, писал: «Баня есть почти у каждого домохозяина. Но что это за бани? Из тонких бревнышек выстроена хибарка, покрыта жердями и соломой. Внутри сделан очаг из глины. На железных прутьях над очагом наложены камни. Они накаляются и дают тепло для моющихся. Не знаю, чем такая баня лучше большой печи!»¹⁸. Такого же мнения придерживалась и остальная часть сельской интеллигенции, воспитанная в этой традиции: «Эта домашняя баня (печь) хороша в гигиеническом отношении тем, что не заставляет делать резкий переход от тепла к холодной атмосфере и сквозному ветру»¹⁹. Впрочем, мытье в печи в еще большей мере подвергалось критике со стороны представителей «противоположного лагеря», напоминавших о смертельных исходах подобного мытья: пророй из-за малого объема воздуха в печи люди задыхались²⁰. Другим существенным аргументом в пользу мытья в бане было соображение о том, что «избы, в которых парятся, сгнивают быстрее». Это признавали и сами крестьяне²¹, но бани сооружать не спешили.

У русского народа обе «банные» традиции имеют определенные, довольно легко очерчиваемые ареалы (см. карту). Современные ареалы их особенно четко прослеживаются на территориях старого древнерусского заселения, входивших в прошлом в

кривичей) или из славянских купеческих кварталов булгарских городов. Современные сельские бани народов Поволжья имеют печь-каменку, топятся по-чёрному, и хотя вода нагревается уже во вмазанном в печь котле⁴⁷, связь их с русской баней очевидна. Устройство помещения и внутренняя планировка большей части поволжских бань идентичны русским. Время появления русской бани в Поволжье пока не известно. Несомненно только, что после падения Казани она распространилась там повсеместно, чему способствовал большой приток русских переселенцев. Возможно, заимствование произошло намного раньше, так как потребность в бане уже была, а торговые связи между Волжской Булгарией и Русью значительны.

В районе Среднего Поволжья кое-где встречаются бани с необычными конструктивными особенностями. Странят их здесь частично или полностью заглубленными в землю, в речной берег⁴⁸. Этот тип бани, построить которую легче и быстрее, чем срубную, был более характерен для бедных лесом (лесостепных) районов, откуда он распространился вверх по Волге в лесную полосу. Внутреннее помещение бани на юге Среднего Поволжья иногда повторяет известную южно-русскую планировку жилища, при которой печь располагается у дальней от входа стены⁴⁹. Такая планировка была характерна для бани и жилищ мордвы и русского населения Самарской и Саратовской губерний⁵⁰. Она, несомненно, является проявлением строительных традиций, использовавшихся в южном жилище, но, возможно, на планировку повлияло и само устройство бани (в виде землянки). В древние времена в южной части Киевской Руси жилища строились заглубленными в землю, и солнечный свет мог поступать в них только со стороны одной стены – той, где располагались дверь и окна, так как остальные стены были почти полностью завалены землей. Чтобы не загораживать свет, печь размещали у задней, дальней от входа стены, к тому же она сама могла служить источником света в наиболее темной части жилища. В северных наземных постройках система освещения была иной: со стороны входа часто имелась пристройка – сени или крытый двор, а свет поступал через окна, расположенные на противоположной, фронтальной стене. Это отражалось на северных типах планировки, где печь располагалась вблизи входа. При сооружении бани в виде землянки по тем же причинам печь для удобства могла быть отодвинута к дальней стене.

Понятно, что локальные особенности в строительстве бани в Среднем Поволжье вызваны местными природными условиями (возвышенные сухие берега и недостаток лесов), а также влиянием южнорусской культурной традиции. Возможно, данный тип бани, в котором земляночная конструкция сочеталась с южнорусской планировкой, возник вовсе не в Поволжье, а уже в готовом виде был занесен из Сузdalской земли, где он мог появиться в результате взаимодействия северных и южных строительных традиций Древней Руси. Развитие бани типа землянки из древних булгарских бань еще менее вероятно, чем из срубных бань.

В Среднем Поволжье, как уже упоминалось, кроме общепринятого способа нагрева воды в бане при помощи раскаленных камней, применялся и другой – подогрев воды во вмазанном в печь котле. Этот способ имеет местное происхождение и известен также в домашнем быту у финских народов Поволжья. В XX в. он получил широкое распространение и в других регионах России, вытеснив старый способ нагрева воды.

Приведенные материалы говорят о том, что Поволжье не могло быть местом возникновения бани. Для жителей этой территории характерны иные строительные традиции и культурно-бытовые приемы, чем отразившиеся в деталях конструкции бани. Особенности русской бани, воспроизводящие основные элементы устройства древнего жилища, указывают на то, что ее истоки следует искать в регионе вокруг оз. Ильмень. На этих территориях, наряду со славянским населением, до сих пор проживают различные финно-угорские народности, в прошлом более многочисленные, чем сейчас. На первый взгляд, казалось бы, логично связывать традицию бани именно с северными (прибалтийскими) финно-уграми, тем более что в настоящее время бани у них широко распространены. Но сведения, относящиеся к средневековью, опровергают это предположение. Так, данные 1571 г. о карельских постройках, приводимые

землях, расположенных к северу и северо-востоку от Белоруссии. Таким образом, сочетание изб западнорусского внутреннего плана с наличием бани существенно ограничивает область возможного возникновения «банной» традиции. Она включает бывшие Новгородскую, Псковскую и Смоленскую губернии, а также Карелию и Северную Белоруссию.

Еще одно свидетельство северо-западного происхождения бани – преобладание в старых ее типах *печей-каменок*. Печь-каменка использовалась для отопления северных изб в раннем средневековье, но встречалась и в более позднее время. В Новгороде, Ладоге, на Белом озере и в Прибалтике в «домонгольский» период подобная конструкция печи широко применялась для обогрева жилищ³⁷, тогда как в южных районах, заселенных полянами и вятичами, использовались преимущественно глиnobитные печи³⁸.

Скорее всего, областью возникновения традиции русской бани следует считать территории вблизи Балтийского моря – бассейн Западной Двины и район вокруг оз. Ильмень. Дополнительным подтверждением этого предположения может служить широкое распространение бани подобного типа в Новгороде XIII в.³⁹ В другие регионы она попала в разное время и разными путями. Возникает вопрос, с какой культурой ее нужно связывать – финно-угорской или славянской? В обоих случаях имеются доводы «за» и «против». У восточных славян бани встречаются преимущественно у северных русских и белорусов, т.е. там, где славяне непосредственно соприкасались с древними финно-уграми. Отсутствие их у южных восточнославянских групп свидетельствует о том, что «банная» традиция не характерна для изначальной общей культуры восточных славян. Особенности строительных традиций новгородских словен в X–ХII вв., как-то наземные (не заглубленные) срубные постройки и печка-каменка, наиболее соответствуют конструкции «современной» бани, тогда как у балтов и северных финно-угров архаичные варианты построек предполагали некоторое углубление в грунт и открытый очаг⁴⁰. Распространившиеся у них к XIII в. печки-каменки⁴¹, вероятно, могли быть заимствованы от соседей, но для данного региона вернее будет не связывать традицию бани с каким-нибудь одним древним этносом. На рубеже I–II тыс. все этносы на этой территории, несмотря на разное происхождение, благодаря связям и взаимовлияниям составляли единую культурную общность. Можно сказать, что и строительные традиции новгородских словен имели больше сходства с традициями иноэтнических соседей, чем отдаленных южных сородичей.

Вероятность первоначального появления бани в культуре финно-угров не так велика, как может показаться на первый взгляд. Версия о заимствовании ее переселенцами-славянами у местных финно-угорских народов оставляет открытым вопрос, почему оно произошло только на Севере, а в междуречье Волги и Оки (хотя и не повсеместно) эта традиция оказалась чуждой русскому населению. Со своей стороны финно-угры Русской равнины испытали большое влияние славянского (русского) домостроительства, и самобытные элементы у них фактически не прослеживаются. Сказать, что у них существовало изначально, а что было заимствовано позднее, весьма затруднительно. Традиция бани у современных поволжских и прибалтийских финно-угров встречается в основном в тех же местах, где и у соседнего с ними русского населения. То же самое относится к распространению «пареня» в печи. Северные вепсы, соседствуя с русскими Прионежья и других районов, где повсеместно имеются бани, знают только эту традицию; южные же практикуют мытье в печи, как и их соседи⁴². Кроме того, внутреннее пространство печи зимой использовалось южными вепсами как спальня⁴³. Паренья в печах, встречающееся кое-где на юге Среднего Поволжья, исследователи связывают с русским влиянием⁴⁴.

На территории Среднего Поволжья первые бани появились очень рано – не позднее XII в. – и пришли туда из стран Востока⁴⁵. Судя по археологическим данным, это были монументальные каменные сооружения с бассейнами и подпольным подогревом⁴⁶. Естественно, они могли получить распространение только в городах. Населением сельской местности была заимствована очень простая конструкция *бани русского типа* из Сузdalской земли (такие бани могли местами появиться в связи с переселением

можно уловить уже в работе П. Грязнова (XIX в.). Описывая мытье в печах, распространенное в Череповецком у. Новгородской губ., автор приходит к выводу, что бани исчезли из-за недостатка леса⁵⁸. Между тем в конце XIX в. крестьяне многих районов даже в таежной зоне испытывали нехватку дерева, поскольку рощи и лесные участки были в собственности государства и крупных землевладельцев. Но бани строились и в совершенно безлесных, степных местах, что приводило к использованию нетрадиционных материалов и созданию оригинальных конструкций⁵⁹. Для их сооружения использовалось дерево любого качества и пород, а также старое, оставшееся после прежних построек. Для изб же использовали только отборные, ровные бревна нужной толщины и преимущественно определенных пород хвойных деревьев. Поэтому отсутствие материала для строительства бань не является фактором, препятствующим их сооружению.

Тот же стереотип в оценке обычая мытья в печи прослеживается в работах А.А. Шенникова. Он также считает, что данная традиция возникла недавно и распространялась там, где раньше были бани⁶⁰. Но среди приводимых им аргументов, подтверждающих позднее происхождение указанной традиции, имеется один весьма резонный довод. Печи для «парения» должны быть вместительными и, следовательно, довольно внушительных размеров. В жилищах же X–XIII вв. они были еще небольшими⁶¹, а печи необходимых габаритов появились лишь к XVI в. По-видимому, к этому времени можно отнести окончательное оформление этой традиции.

Такая поздняя датировка оставляет неясным вопрос, почему ареал традиции мытья в печи совпадает с границами древних Ростово-Сузdalской и Рязанской земель, но почти не получил распространения на территориях, присоединенных после XV в. Вряд ли это простая случайность. Скорее всего, известный нам обычай мытья в печи – трансформированный вариант более древней южнорусской традиции. Изменения в бытовом укладе у наследников южной традиции произошли в результате знакомства с северным бытом: обычай «париться», пусть при этом используется печь, изначально связан с опытом бани. У предков южных русских не было «моды париться»: мылись в избе и в печь не «заливали». О сохранении этой «моды» до конца XIX в. свидетельствуют архивные материалы. Так, в сообщении, пришедшем в Этнографическое бюро кн. В.Н. Тенишева из Медынского у. Калужской губ. (1898 г.), говорилось «...бань в данной местности мало, а потому крестьяне моются в избах, а кто любит париться, то забирается в печь»⁶².

Обе традиции стойко сохранялись в народном быту, даже несмотря на неблагоприятные обстоятельства. В русской истории наблюдается временной промежуток, когда иметь бани было экономически невыгодно. Правительство Петра I, нуждавшееся в средствах для ведения Северной войны, в первом десятилетии XVIII в. для всех сословий ввело значительные налоги на частные бани, а общественные вообще закрыло⁶³. Налог действовал около 50 лет. Естественно было бы предположить, что количество бань в это время резко уменьшилось, а в ряде мест они исчезли совсем. Именно так пытался объяснить отсутствие бани И. Вахрос⁶⁴. Однако, например, в Кокшеньгской чети Важского у. (в то время Важской доли) Архангелогородской губ. число бань по материалам 1711 г. снизилось незначительно. Данные о сумме собранного налога, приводимые А.А. Угрюмовым по приходной книге Кокшеньгской чети за этот год⁶⁵, говорят о наличии множества бань у крестьян.

Ареал «банной» традиции на Русском Севере, сложившийся к началу XX в., включает территории, где в древности обитали две группы восточных славян – кривичи и словене новгородские, а также области, заселенные ими впоследствии. «Повесть временных лет» подробно очерчивает регион, занимаемый кривичами: «От этих последних (полочан) произошли кривичи, сидящие в верховьях Волги, и в верховьях Двины, и в верховьях Днепра, их же город Смоленск»⁶⁶. Описанная территория вместе с районами Полоцкого княжества по Западной Двине (в прошлом земли полочан и кривичей) и сегодня является «зоной» повсеместного распространения бань. К югу от нее бани встречаются сначала спорадически, а потом и вовсе «пропадают»⁶⁷. Новго-

А.А. Шенниковым, свидетельствуют о том, что традиция бани, возможно, не была исконно присуща быту балтийских финно-угров. Из 82 усадеб Кирьяжского погоста, расположенного немного севернее г. Корелы, бани были только в пяти⁵¹. Такое мизерное число бань по отношению к количеству дворов, скорее всего, свидетельствует об их недавнем появлении здесь.

Кроме того, имеются основания предполагать малую вероятность возникновения у балтийских финно-угров в «дославянское» время бани в виде отдельной постройки, обособленной от жилья. Во-первых, усложнение построек в раннюю эпоху в определенной степени было связано с социальными переменами. Такое жилье было характерно для быта привилегированных городских слоев. Во-вторых, необходимыми условиями, ведущими к возникновению бани, отдельной от жилья, были модификация жилища и превращение его в более совершенное сооружение, которое нуждалось в бережном обращении. Чтобы дерево стен не портилось, была выделена отдельная постройка для мытья, построенная по хорошо известным принципам старого жилища. Однако, судя по археологическим данным, до X в. жилища как прибалтийских (лettоплитовских)⁵², так и финноязычных⁵³ племен имели довольно простую конструкцию. Такие постройки собирались достаточно быстро, а значит, проблема их длительной сохранности еще не приобрела особой остроты.

На Руси бани появились в глубокой древности. Общеизвестен рассказ из «Повести временных лет» о сожжении в 945 г. княгиней Ольгой древлян в бане⁵⁴. События, описываемые в нем, происходили в Киеве, однако на сельской территории нынешней Украины в период раннего средневековья баня, по-видимому, не было. Исключение, вероятно, составляли города. Распространение бань в городской среде легко объяснимо, если вспомнить предшествующие исторические события. Князь Олег в 882 г. вместе с дружиной переселился из Новгорода в Киев⁵⁵. А так как до переселения дружины жили в северных словенских городах, то они неизбежно должны были усвоить местные обычаи. В Южную Русь они, возможно, принесли с собой многие особенности бытовой культуры новгородцев.

О существовании бань главным образом лишь в новгородских землях рассказывает другая история из «Повести временных лет», относящаяся к самому раннему времени. Это описание путешествия апостола Андрея Первозванного по будущим землям Киевской Руси: «И пришел к славянам, где ныне стоит Новгород, и увидел живущих там людей – каков их обычай и как моются и хлещутся, и удивился им»⁵⁶. Мытье в бане здесь упоминается как явление, встречающееся лишь в районе оз. Ильмень, хотя до этого пути апостола проходил через землю полян и Поднепровье. Для нас не имеет значения тот факт, что этот рассказ, скорее всего, был придуман для доказательства раннего появления христианства на Руси. В данном случае для придания убедительности рассказу факты, касающиеся быта населения упоминаемой в нем территории, должны были соответствовать действительности. Учитывая приведенные сведения, можно не сомневаться, что севернорусская баня появилась не позже IX в., а к X в. была известна во многих районах Новгородской земли.

Происхождение обычая мыться в печах еще более загадочно, чем зарождение «банной» традиции. Самое раннее документальное свидетельство о нем встречается в «Житии преподобного Иринарха», относящемся ко времени правления Василия Шуйского. В одном из фрагментов «Жития» рассказывается о дьяконе, который «не мочий терпети студени и влазяще в печь»⁵⁷. Этот отрывок демонстрирует большую вместимость внутреннего пространства печей XVI в., а также использование его как теплого помещения, что, вероятно, является прямым следствием существования мытья в печах.

До середины XX в. обычай париться в печи мало освещался в научной литературе. В современном обыденном сознании он воспринимается как чуждо, наносное явление, не имеющее ничего общего с древнерусской культурой. Такой подход проявляется и в некоторых научных трудах, где этот обычай пытаются представить как недавно возникший и вытеснивший старую традицию мытья в бане. Отмеченную тенденцию

две трети мелких землевладельцев⁷⁵. Большие перемещения дворянства произошли после введения опричнины. Поместья, оказавшиеся на территории опричных земель, отбирались у владельцев, а вместо них они получали другие – в разных частях государства⁷⁶. После Смутного времени, когда Смоленск с прилегающей областью отошел к Речи Посполитой, смоленские дворяне были «испомещены» в 16 уездах Московского государства⁷⁷. Переселенцы, видимо, сохраняли на новых местах старый уклад жизни, что со временем могло оказать заметное влияние на соседей.

В наибольшей степени распространение традиции мытья в бане было связано с крестьянскими миграциями, происходившими на протяжении столетий. Выше было показано, как расселились в новгородских владениях словене и ростово-суздальцы – как характер миграции отразился на распространении обычая строительства бань. У кривичей также изначально существовал обычай мытья в бане, а так как часть их жила в верховьях Волги и Днепра, то они, естественно, переселялись вниз по течению рек. К началу XX в. бани стали известны в верхних течениях этих рек. На территориях, удаленных от рек, они уже встречались реже. На Среднюю Волгу, заселявшуюся русскими в сравнительно позднее время (после падения Казанского ханства), попали разнообразные культурные обычаи, но бани стали там преобладающей традицией. На еще позже освоенных территориях Урала и Сибири встречается уже только обычай мытья в бане. Миграции из северных областей в южные регионы случались и в XVIII–XIX вв. Например, в 1745 г. в дворцовые села Воронежской губ. было переселено 886 душ вахских крестьян (т.е. живших в бассейне р. Вага – притока Северной Двины)⁷⁸. Таким образом, на юг, в Центральную и Южную Россию указанный обычай мог быть перенесен как в средние века, так и в более позднее время.

В целом по отрывочным сведениям XV–XVIII вв. и по материалам XIX–XX вв. прослеживается тенденция вытеснения баней обычая мытья в печах. При этом в местностях, ранее не знакомых с баней, она сначала появлялась в отдельных селениях и строилась, как правило, одна на всю деревню. Такое положение в начале XX в. наблюдалось в прилегающих к ареалу бани районах с преобладанием традиции мытья в печи. Эта ситуация хорошо отражена в описании с. Никольского Кадниковского у. Вологодской губ.⁷⁹ Аналогичная картина прослеживалась и на территории Белоруссии, где существовал «промежуточный пояс» между областью господства бань и зоной их полного отсутствия. Здесь зафиксирован один из вариантов начальной стадии включения бани в крестьянский обиход: их держали зажиточные хозяева и за плату предоставляли в пользование остальным⁸⁰.

Следующая стадия распространения традиции – наличие одной бани-постройки на 8–10 дворов. По этому признаку намечаются границы ареалов, где до XX в. бани не было⁸¹. На последней стадии они появляются уже в каждом дворе или строятся на два-три соседских или родственных двора. Но даже имея отдельную баню, жители районов, где издавна существует «печная» традиция, использовали ее нерегулярно, предпочитая мыться по-старому⁸². Но и там, где бани появились достаточно давно, порой сохранялись реликты мытья в печи. Например, на севере Кадниковского у. маленьких детей мыли в печи, а не в бане⁸³.

Государственные границы явились одним из рубежей в «географии» банных традиций. Территории, в древности входившие в состав Киевской Руси, долгое время были разделены между Великими княжествами – Московским и Литовским. На землях первого получили распространение обе традиции («печная» и «банная»), тогда как в пределах второго ни одна из них не получила широкого бытования. К северу от Припяти бани стали появляться только в начале XX в., но и обычай мыться в печах там отсутствовал⁸⁴. Эта территория была присоединена к России в конце XVIII в. Для сравнения можно сказать, что на соседних землях, оставшихся в границах России, бани, хотя и в единичных экземплярах, начали появляться к началу XVIII в. Так, в Брянском у. они в это время имелись лишь в усадьбах некоторых помещиков⁸⁵.

Такое яркое явление в крестьянском быту, как использование бани, нашло своеобразное отражение в верованиях, обычаях и обрядах русского народа. Интересные

родские словене широко расселились по Северу и, обосновываясь, принесли обычай пользоваться баней на новые земли.

В Архангельской губ., где в древности новгородское влияние было очень значительным, к XX в. бани распространялись повсеместно⁶⁸. На современной территории Вологодской обл. традиции бани прижились в Прионежье, в окрестностях Белого озера, в бассейне р. Вага, в Велико-Устюжском и Никольском районах. В Прионежье пролегали древние пути из Новгорода в Заволочье. Район Белого озера в IX–XI вв. был под юрисдикцией Новгорода. Бассейн Ваги до присоединения Новгородских земель к Москве почти полностью находился во владениях потомков новгородских бояр⁶⁹. Предания сообщают о переселении сюда новгородцев при Иване IV Грозном. В Устюжский край обычай новгородской культуры принесли жители Халезских приходов; в другие места этого района имели место переселения с соседней Вятки, где существовала известная колония новгородцев, также издавна знакомая с традицией бани. Напротив, в тех районах Севера, которые заселялись преимущественно выходцами из Ростово-Сузdalской земли, до последнего времени сохранялась традиция мытья в печах. Существующие и в настоящее время территориальные различия в «банных» традициях в определенной мере помогают восстановить некоторые детали истории заселения различных районов Севера.

Итак, основной ареал русской бани – Север, но было немало территорий и за его пределами, где она существовала также давно. Как отмечалось, в Киев она попала в X в. и, вероятно, с этого времени стала обязательной принадлежностью городского быта. При раскопках в Москве обнаружена баня XV в., имевшая глинобитную печь⁷⁰, что не соответствует северорусским строительным традициям (барам с печами-каменками), но согласуется с традициями Рязанской земли домонгольского периода. Месторасположение Москвы позволяет предположить влияние южнорусских (рязанских и др.) строительных традиций на внутреннее устройство местных бань.

Вхождение бани в городской обиход разных регионов происходило различными путями. В небольших городах Южной и Центральной России бани строить не спешили. Даже в XVII в. они там отмечены только в 40% городских усадеб, а для Новгорода этот показатель составлял 90%⁷¹. В Вологде в XVIII в. он был аналогичен новгородскому. Переписная книга по г. Вологде за 1711–1712 гг. показывает наличие бани во дворах почти у всех посадских людей⁷², тогда как в Вологодском у. даже к началу XX в. они имелись еще не везде. Это пример длительного сохранения бытовых различий между городским и сельским населением. Видимо, вологжане усвоили «банную» традицию еще в то время, когда входили в состав Новгородской республики. Сельские же районы, заселенные выходцами из ростово-сузdalских земель, влияния новгородской культуры почти не испытали. Документальных свидетельств, подтверждающих отсутствие здесь бани в период до XIX в., к сожалению, очень мало. Можно привести лишь одно, датируемое 1706 г.: оно касается четырех деревень (общей численностью 28 дворов), среди строений которых перечислены избы, овины и житницы⁷³. Однако, нет ни одного факта, подтверждающего возможность исчезновения бани на значительной территории. Судя по отсутствию в Вологодском у. бани, новгородцы не расселялись на этих землях, а имели лишь торговые и политические интересы.

Медленное распространение в городах Южной России бани в конце концов привело к появлению их и в сельской местности. Кроме влияния городской культуры, это было связано с переселениями людей. В миграциях участвовали представители различных сословий и социальных групп. Вероятно, традиция мытья в бане была занесена во многие места еще русскими князьями: известно, что уже в X–XIII вв. мытье в бане было неотъемлемой частью их домашнего обихода⁷⁴. Династия Рюриковичей к XII в. сильно разрослась, и князья, получив мелкие уделы, расселялись на новые земли, принося туда свои обычай. Распространению «банной» традиции в центральные и южные области способствовали массовые переселения служилого дворянства. Хорошо известно о перемещении Иваном III новгородских бояр и дворян в пределы старомосковских областей. За период с 1483 по 1500 г. на новые места им были переведены

ческих условий. Несмотря на это, данный пример показывает возможность выполнения древним жилищем и функции бани.

После обособления бани шла дальнейшая эволюция жилища. Баня же продолжала сохранять отдельные элементы его более древней структуры. Это хорошо прослеживается и в конструкции северорусской черной бани. В наиболее архаичном варианте она представляла собой низкую, однокамерную срубную постройку с плоской крышей. Пола в бане зачастую не настилали, но он имелся в предбаннике, при наличии последнего¹⁰¹. Предбанник часто отсутствовал даже в начале нашего века¹⁰². В бане в углу у входной двери размещалась *печка-каменка* (сложенная из камней). Свод ее имел отверстия, оставленные специально для прохода дыма. Поверх них накладывали или насыпали мелкие камни, формируя ту часть, которую и называют *каменкой*. Когда камни нагревались, их использовали для разогрева воды. На оставшиеся в *каменке* камни выливался ковш воды, пива, кваса или травяного настоя; жидкость, испаряясь, создавала соответственную «атмосферу» в бане. Труба у печи отсутствовала, а дым удалялся или через дверь, или через окошечко в стене: название *черная* и связано с топкой печи *по-черному*.

Хотя баня и сохранила ряд элементов древнего жилища, она не являлась его точной копией. Для бани многие детали жилища были не нужны, поэтому произошла их полная редукция. Но и оставшиеся детали позволяют восстановить основные особенности старинного северорусского однокамерного жилища: внутреннее обустройство в соответствии с западнорусской планировкой, односкатная крыша, печь-каменка на низком подпачье.

Описанная конструкция представляет собой наиболее простой вариант бани. Пола не делали из соображений, что он «все равно сгниет», тогда как в архаичном прототипе данной постройки, имевшем другие функции, он, возможно, имелся. Отсутствие второй камеры, по-видимому свидетельствует об аналогичном строении древнего жилища VII–X вв., хотя эта часть могла быть утрачена в процессе упрощения при специализации бани. В упрощенном варианте у бани не было и крыши, а только потолок с насыпанной сверху землей. На Русском Севере бани изредка имели плоскую односкатную крышу¹⁰³, но в настоящее время она почти повсеместно вытеснена двух- и четырехскатной, хотя в прошлом делалась достаточно часто. Очевидно, на том древнем жилище, которое послужило прототипом бани, сооружалась именно односкатная крыша. Этому есть подтверждение. На гравюре А. Хутеериса (Goeteeris), датируемой 1615 г. и приводимой А.А. Шенниковым¹⁰⁴, изображено жилище с плоской крышей и печью-каменкой, бытовавшее в районе Старой Руссы. Оно поражает почти полной идентичностью с *черной баней*, и отличается от нее лишь большими размерами. Из того же источника известно, что жилища такого типа в указанном районе встречались повсеместно.

Жилище, представленное на гравюре, имеет еще одну необычную деталь – *печь-каменку*, которая была характерна для *черных* северорусских бань. Печь-каменка не обязательно складывалась из одних камней, когда при ее сооружении не использовался даже связующий раствор¹⁰⁵. Встречались также *каменки* почти целиком глинобитные¹⁰⁶. В начале XX в. стенки и свод таких печей в основном делали из кирпичей, скрепленных глиной. Печь-каменка отличается от обычных печей отверстиями в своде, поверх которого насыпаются камни. Такая конструкция была издавна характерна для строительных традиций Севера. Археологи обнаружили остатки подобных *каменок* в жилищах многих территорий Северной Руси¹⁰⁷. В Новгороде, где рано (с XIV в.) появились кирпичные печи, их своды выкладывались изразцами, имевшими небольшие отверстия для выхода дыма¹⁰⁸. В отличие от северных областей, на юге в лесостепной зоне Восточной Европы в течение тысячелетий существовала цельно-глинобитная *духовая печь*¹⁰⁹. Она-то впоследствии и развилась в так называемую *русскую*, которая вскоре стала основным типом печи в избе. Но в северных районах, благодаря существованию другой традиции, духовая печь поздно получила распространение.

нение. Еще в начале нашего века в глухих местах в жилищах могла сохраняться печка-каменка¹¹⁰. Возможно, наличие булыжников в наполнении глинобитных печей, встречающееся в некоторых районах Севера, – реликт старых методов сооружения печей¹¹¹.

Древнее жилище северных групп восточных славян было срубным и наземным (незаглубленным в грунт), такова и современная сельская баня. Для отопления помещения как в древнем жилище, так и в северной бане применялась печь-каменка. Можно утверждать, что в «образе» бани в общих чертах сохранился облик старинной северной избы.

Чтобы еще более прояснить вопрос о соответствии этих строений, можно сослаться на описание жилища восточных славян, сделанное в X в. арабским путешественником: «Холод в их стране бывает до того силен, что каждый из них выкапывает себе в земле род погреба, к которому приделывают остроконечную крышу. В такой погреб пересяются со всем семейством, и взяв несколько дров и камней, зажигают огонь и раскалывают камни на огне до красна. Когда камни раскалятся до высшей степени, наливают на них воду, от чего распространяется пар, нагревающий жилье до того, что снимают уже одежду. В таком жилье остаются до весны»¹¹². ТERRITORIALLY это описание можно «привязать» к междуречью Волги и Оки, так как маршрут путешественников из восточных стран в это время шел через Булгарию и сведения, сообщаемые ими, обычно относятся к соседним с ней районам Киевской Руси. Аналогия между описанным жилищем и баней очевидна. Система отопления полностью соответствует той, что применялась в банных постройках. Странным в этом описании является лишь сочетание сооружения типа землянки с печкой-каменкой. Подобные жилища, но с глинобитной духовой печью в древности были характерны для Рязанской земли¹¹³. Печи-каменки же встречались преимущественно в наземных срубных постройках северных областей. Такое необычное сочетание, как приведенное выше, могло возникнуть именно в районе между Окой и Волгой, куда шло переселение и с территории вятичей, и из словенско-кривических мест. Кривичи и словене составляли основу образовавшегося в середине IX в. государства Рюрика, границы которого простирались до р. Оки¹¹⁴. Как видим, к X в. в районе Волго-Окского междуречья сочетались строительные традиции различных групп восточных славян.

Здесь уместно вспомнить уже упоминавшиеся бани-землянки (Поволжье и Псковская губ.), которые можно связать с описанным выше типом жилища. Однако существует и иное мнение. Так, Д.К. Зеленин считал, что бани *изначально* сооружались в землянках. Свои выводы он основывал на белорусском названии бани – *лазня*¹¹⁵. Однако известные по источникам белорусские лазни представлены только надповерхностными, срубными постройками¹¹⁶. Другой довод в пользу этой теории – название *sauna*, используемое у финнов применительно к самому типу жилища – землянке¹¹⁷. Все это наводит на мысль, что конструкции разных видов бань отражают по крайней мере два древних типа обустройства жилья, существовавших когда-то на Севере.

К характерным особенностям печки-каменки относится прием кипячения воды с помощью раскаленных камней, хотя он и возник задолго до появления этой конструкции печи. Таким способом нагревали воду в банях на Русском Севере, в Смоленской обл. и Прибалтийском регионе, а также там, где бани появились еще в древности с переселенцами из этих земель. Указанный прием применялся и для кипячения сусла при пивоварении. В местах же, где распространен обычай мыться в печах или где бани появились недавно, этим приемом почти не пользуются. Там и пиво варили в печах (в горшках и специальных сосудах – *корчагах*) или на улице в котлах.

Так как в древности печи-каменки сооружали в жилищах, то их использовали и для приготовления пищи. Действительно, Г.Н. Потанин, проезжая по территории Никольского у. Вологодской губ. обнаружил факты, свидетельствующие о широком применении раскаленных камней. Здесь таким способом варили не только пиво, но и картофель, кипятили воду и стирали (*бучили*) белье. С помощью раскаленных камней варили также овсяный и пшеничный кисель для поминальной трапезы¹¹⁸, что свиде-

тельствует о большой древности подобного способа приготовления пищи, так как именно поминальные обряды сохраняют наибольшее число архаичных особенностей, давно вышедших из привычного обихода.

Бытовые традиции, связанные с печью-каменкой, имеют давние корни. Более того, сама ее конструкция была приспособлена для лучшего нагрева камней, которые в далеком прошлом накаляли на простом очаге. Для варки пива еще совсем недавно камни раскаляли на костре, составленном из смолистых кряжей. Время же, когда возник этот прием, трудно определить. Кипячение воды и приготовление пищи с помощью раскаленных камней – единственно возможный способ при употреблении берестяных и деревянных емкостей, так как их на огонь не поставишь. При наличии глиняной посуды он уже неактуален, но глиняная посуда существовала еще во времена неолита (VI–III тыс. до н.э.). Это наводит на мысль, что способ нагрева воды камнями должен был возникнуть по крайней мере еще в мезолите. Известен он был не только на Русском Севере, но и в других странах и на других континентах, например у некоторых племен Северной Америки.

Наряду с названным приемом на Русском Севере издавна использовали нагрев пищи и воды в глиняной посуде. Печь-каменка была мало приспособлена для установки внутри нее горшков, что компенсировалось разнообразными приспособлениями. Так, А.Н. Харузин описал каменку (Витебская губ.), перед устьем которой был сложен уступ (импровизированный очаг) и над ним помещали котел¹¹⁹. Впоследствии такая комбинация отразилась в *русской печке*, где на *шестке* делали *жараток*. Но не исключено, что существовали и другие варианты.

В заключение отметим, что не только территориальные различия в способах мытья, но и более мелкие детали – способ нагрева воды, топка бани *по-белому* или *черному*, несут определенную информацию о времени и происхождении миграционных потоков и о культурных влияниях на соседствующих территориях. Надо иметь в виду, что сельские бани на протяжении XX в. сильно видоизменились. *Черные бани*, в прошлом повсеместно господствовавшие, были вытеснены *бельми*. Появились вмазанные в печи котлы или другие приспособления для нагрева воды. Процесс внесения новшеств особенно усилился в последние четыре десятилетия, поэтому современная картина распространения бань и их особенностей уже мало соотносится с историческим прошлым.

Примечания

¹ Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 283–4; Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. С. 337–345. (Тр. Ин-та Этнографии АН СССР. Т. XXXI.)

² Лебедева Н.И., Милюнов Н.П. Типы поселений Рязанской области (По документам Рязанского областного архива и научного архива Рязанского краеведческого музея) // Сов. этнография. 1950. № 4. С. 127.

³ Там же. С. 122.

⁴ Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии). СПб., 1993. С. 227–228; Архив автора (Материалы экспедиции в Даниловский и Любимский районы Ярославской обл. 1996 г.).

⁵ Песселен Л.И. Постройки Бежецкого уезда // Верхневолжская этнологическая экспедиция. Л., 1926. С. 145; Архив Российской этнографического музея (далее – АРЭМ, фонд и описание всюду одни и те же). Ф. 7. Оп. 1. Д. 1727. Л. 23 (Зубцовский у. Тверской губ.); Бломквист Е.Э., Ганцкая О.А. Типы русского крестьянского жилища середины XIX – начала XX в. // Русские: Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда (середина XIX – начало XX века). М., 1967. Карта № 35.

⁶ Бломквист Е.Э., Ганцкая О.А. Указ. раб. Карта № 35.

⁷ АРЭМ. Д. 369. Л. 20 (приход Мола).

⁸ Бломквист Е.Э., Ганцкая О.А. Указ. раб. Карта № 35.

⁹ Устное сообщение Л.Н. Чижиковой.

¹⁰ Петерсон А.Ю. Латышское *pirts* и вепсское *pergt'* в аспекте древнейших этнических связей // Этнические и лингвистические аспекты этнической истории балтийских народов. Рига, 1980. С. 106, 108; Строгальщикова З.И. Традиционное жилище Межозерья 1900–1960 гг. Л., 1986. С. 35.

¹¹ Архив автора (Материалы экспедиции в Грязовецкий р-он Вологодской обл. 1997 г.); Артамонов М.И. Постройки Краснохолмского района // Верхневолжская этнологическая экспедиция... С. 38.

- ¹² АРЭМ. Д. 203. Л. 4 (Грязовецкий у. Вологодской губ. 1899 г.).
- ¹³ Архив автора (Материалы экспедиции в Даниловский и Любимский районы Ярославской обл. 1996 г.).
- ¹⁴ АРЭМ. Д. 1727. Л. 23 (Зубцовский у. Тверской губ.).
- ¹⁵ Там же. Д. 619. Л. 2 об. (Солигаличский у. Костромской губ. 1898 г.).
- ¹⁶ Харузин А.Н. Славянское жилище в Северо-Западном крае. Вильно, 1907. С. 138; Косич М.Н. О постройках белорусского крестьянина Черниговской губернии, Мглинского уезда // Живая старина. 1906. Вып. 1. С. 89–90.
- ¹⁷ Лебедева Н.И. Жилище и хозяйственные постройки Белорусской ССР. Мозырский и Бобруйский округа по левому берегу Припяти и ее притокам. М., 1929. С. 68.
- ¹⁸ Лукачев П. Отчет об эпидемии скарлатины в 5-м врачебном участке Тотемского уезда // Врачебно-санитарный обзор Вологодской губернии (далее – ВСО ВГ). Вологда, 1907. Вып. 6. С. 25.
- ¹⁹ АРЭМ. Д. 203. Л. 4 (Грязовецкий у. Вологодской губ.).
- ²⁰ Бломквист Е.Э. Указ. раб. С. 263.
- ²¹ АРЭМ. Д. 1822. Л. 6 (Романо-Борисоглебский у. Ярославской губ.).
- ²² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1986. С. 121.
- ²³ В раннем средневековье бани византийско-персидского типа получили некоторое распространение в городах Волжской Булгарии (см.: Смирнов А.П. Древняя история чuvашского народа. Чебоксары, 1948. С. 53), но с XVI в. Среднем Поволжье бани имели совершенно иную конструкцию и принципы отопления, а значит, и происхождение.
- ²⁴ Лебедева Н.И., Милонов Н.П. Указ. раб. С. 127.
- ²⁵ Зеленин Д.К. Указ. раб. С. 284; Vahros I. Zur Geschichte und Folklore der Grossrussischen Sauna // FF Communications Helsinki. 1966. V. LXXXII. № 197. S. 49.
- ²⁶ Писцовые книги Московского государства XVI в. Т. 1. СПб., 1872. С. 291–320.
- ²⁷ АРЭМ. Д. 1727. Л. 23 (Зубцовский у. Тверской губ.); Песселен Л.И. Указ. раб. С. 145; Артамонов М.И. Указ. раб. С. 38.
- ²⁸ Бломквист Е.Э. Указ. раб. С. 252.
- ²⁹ Попов Е.П. Эпидемия скарлатины в Богородской вол., Вологодского у. // ВСО ВГ. Вологда, 1907. Вып. 10. С. 890; Лукачев П.П. Об эпидемии скарлатины в Юркинской вол. Тотемского уезда // Там же. Вологда, 1907. Вып. 11. С. 862; Пр-ский И. Баня, игрище и 6-е января (Кадниковский у. с. Никольское) // Современник. 1864. Вып. Х. С. 499–522; АРЭМ. Д. 272. Л. 14 (Кадниковский у. Вологодской губ.); Д. 338. Л. 17 (с. Брусенец и д. Монастыриха Бережно-Слободская вол. Тотемский у. Вологодской губ.); Д. 369. Л. 20 (приход Мола Тотемский у., Вологодской губ.); Д. 372. Л. 12 (Куракинская вол. Тотемский у. Вологодской губ.); Д. 379. Л. 23 (Тиксна Тотемский у. Вологодской губ.).
- ³⁰ Архив автора.
- ³¹ Витов М.В. Антропологические данные как источник по истории колонизации Русского Севера // История СССР. 1964. № 6. С. 81–109.
- ³² Ивановский А.А. Отчет о поездке в Архангельскую губернию летом 1910 г. // Сборник новгородского общества любителей древностей. Вып. 5. Новгород, 1911.
- ³³ Ефименко П.С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. // Изв. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии (далее – ИОЛЕАЭ). Ч. 1. Т. XXX. М., 1877. Тр. Этнографического отдела. Кн. 5. Вып. 1. С. 38.
- ³⁴ Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI века. М., 1983. С. 207.
- ³⁵ Бломквист Е.Э., Ганцкая О.А. Указ. раб. С. 138.
- ³⁶ Беларускае народнае жылле. Мінск, 1973. С. 90–92.
- ³⁷ Колчин Б.А., Янин В.Л. Археология Новгорода 50 лет // Новгородский сборник (50 лет раскопок Новгорода). М., 1982. С. 12, 72; Голубева Л.А. Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М., 1973. С. 87; Седов В.В. Жилища юго-восточной Прибалтики // Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975. С. 293; Кирличников А.Н. Раннесредневековая Ладога // Средневековая Ладога. Л., 1985. С. 3–26.
- ³⁸ Монгайт А.Л. Старая Рязань. М., 1955. С. 66–67; Rappoport P.A. Древнерусское жилище // Древнее жилище... С. 120, 126.
- ³⁹ Колчин Б.А., Янин В.Л. Указ. раб. С. 25–26, 34.
- ⁴⁰ Голубева Л.А., Кочкуркина С.И. Белозерская весь. Петрозаводск, 1991. С. 7; Седов В.В. Указ. раб. С. 276–301.
- ⁴¹ Седов В.В. Указ. раб. С. 290.
- ⁴² Строгальщикова З.И. Указ. раб. С. 35.
- ⁴³ Никольский Д.П. Кайваны или чухари // Живая старина. 1895. Вып. 1. С. 16.
- ⁴⁴ Бусыгин Е.П. Русское сельское население Среднего Поволжья. Казань, 1966. С. 234.
- ⁴⁵ См.: Путешествие Абу Хамида Ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). М., 1971. С. 43–44.
- ⁴⁶ Смирнов А.П. Волжские Булгары. М., 1951. С. 210.
- ⁴⁷ Бусыгин Е.П. Указ. раб. С. 235.
- ⁴⁸ Там же. С. 234; Смирнов А.П. Указ. раб. С. 78.

- ⁴⁹ Бломквист Е.Э., Ганцкая О.А. Указ. раб. С. 152.
- ⁵⁰ Бусыгин Е.П. Указ. раб. С. 236.
- ⁵¹ Шенников А.А. Длинный дом и крытый двор (Из истории строительной культуры крестьян лесной зоны Европы до конца XIX – начала XX в.). СПб., 1992. С. 121–122; Самоквасов Д.Я. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского государства XV–XVII столетий. Т. 2. М., 1909. С. 59–122.
- ⁵² Седов В.В. Указ. раб. С. 286.
- ⁵³ Голубева Л.А., Кочкуркина С.И. Указ. раб. С. 7; Голубева Л.А. Указ. раб. С. 65, 69.
- ⁵⁴ Повесть временных лет (далее – ПВЛ). М.; Л., 1950. С. 228.
- ⁵⁵ Там же. С. 216.
- ⁵⁶ Там же. С. 208.
- ⁵⁷ Житие преподобного Иринарха // Дубов И.В. И поклоняющееся идолу камену... (прил. 8) СПб., 1995. С. 101.
- ⁵⁸ Грязнов П. Опыт сравнительного изучения гигиенических условий крестьянского быта и медико-топография Череповецкого уезда. СПб., 1888. С. 53.
- ⁵⁹ Бломквист Е.Э. Указ. раб. С. 344.
- ⁶⁰ Шенников А.А. Двор крестьян Неудачки Петрова и Шестачки Андреева. СПб., 1993. С. 53–54, 90.
- ⁶¹ Монгайт А.Л. Указ. раб. С. 40; Раппопорт П.А. Указ. раб. С. 137.
- ⁶² АРЭМ. Д. 538. Л. 5 об.
- ⁶³ Угрюмов А. Кокшеньга. Архангельск, 1992. С. 41.
- ⁶⁴ Vahros I. Op. cit. С. 49.
- ⁶⁵ Угрюмов А. Указ. раб. С. 41–42.
- ⁶⁶ ПВЛ. С. 209.
- ⁶⁷ Беларуская народна жылле... С. 91.
- ⁶⁸ Ефименко П.С. Указ. раб. С. 25–26, 38, 41, 46.
- ⁶⁹ Васильев Ю.С. Феодальное землевладение на Ваге // Аграрная история Северо-Западной России (вторая половина XV – начало XVI в.). Л., 1971. С. 290–295.
- ⁷⁰ Рабинович М.Г. Русское жилище в XIII–XVII вв. // Древнее жилище... С. 210.
- ⁷¹ Там же. С. 189–197.
- ⁷² Государственный архив Вологодской области. Ф. 652. Оп. 1. Д. 37.
- ⁷³ Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII века. М., 1951. Акт № 37 (Вологодский у. Мануйловская вол. дд. Давыдовская, Уточкина, Заречье, Угрюмова).
- ⁷⁴ Бломквист Е.Э. Указ. раб. С. 328.
- ⁷⁵ Базилевич К.В. Новгородские помещики из послуживцев в конце XV века // Исторические записки. № 14. М., 1945. С. 62–80.
- ⁷⁶ Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994. С. 141.
- ⁷⁷ Там же. С. 143.
- ⁷⁸ Из былого прошлого нашего Севера // Изв. Архангельского о-ва изучения Русского Севера (далее – Изв. АОИРС). 1910. № 1. С. 20.
- ⁷⁹ Пр-ский И. Указ. раб. С. 499–522.
- ⁸⁰ Харузин А.Н. Указ. раб. С. 137. Экономический фактор в данном случае не играл такой роли, как привычные бытовые устои. Для сравнения: в Архангельской губ. бани имели самые бедные крестьяне, не державшие больше никаких других хозяйственных построек.
- ⁸¹ Бусыгин Е.П. Указ. раб. С. 235.
- ⁸² Архив автора (Ярославская обл. 1996 г.); Орлеанский А. Несколько сведений о санитарном состоянии деревни Галкина Богоявленской волости Варнавинского уезда // Врачебно-санитарный обзор Костромской губернии. 1905. Вып. 7–8. С. 31; Попов Е.П. Эпидемия скарлатины... С. 890.
- ⁸³ Попов Е.П. Север Каундиковского уезда. Медико-топографический очерк шести волостей // ВСО ВГ. Вологда, 1909. Вып. 4. С. 299, 307.
- ⁸⁴ Лебедева Н.И. Жилище и хозяйственные постройки... С. 68.
- ⁸⁵ Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства... Акты №№ 17–22, 29.
- ⁸⁶ Бломквист Е.Э. Указ. раб. С. 263.
- ⁸⁷ Архив автора (Материалы экспедиции в Грязовецкий р-н Вологодской обл. 1997 г.).
- ⁸⁸ Соловьев К.А. Жилище крестьян Дмитровского края. Дмитров, 1930. С. 176.
- ⁸⁹ АРЭМ. Д. 372. Л. 12 (Куракинская вол. Тотемского у.); Артамонов М.И. Указ. раб. С. 38.
- ⁹⁰ АРЭМ. Д. 224. Л. 3.
- ⁹¹ Сахаров И.П. Русское народное чернокнижье. М., 1991. С. 216.
- ⁹² АРЭМ. Д. 379. Л. 23 (р. Тиксна, Тотемский у. Вологодской губ.); Ильина И.В., Шабаев Ю.П. Баня в традиционном быту коми // Тр. Ин-та языка, литературы и истории. Вып. 32. Сыктывкар, 1985. С. 115–116; Во многих местностях существуют и обратные представления: банник наносит вред роженицам. См.: Бломквист Е.Э. Указ. раб. С. 339.

- ⁹³ АРЭМ. Д. 379. Л. 23.
- ⁹⁴ Федянович Т.П. Свадебные обряды финно-угорских народов Среднего Поволжья // Свадебные обряды народов России и ближнего зарубежья. М., 1993. С. 49.
- ⁹⁵ Харузин Н.Н. Очерк истории развития жилища у финнов. М., 1895. С. 11, 14–15, 25.
- ⁹⁶ Бломквист Е.Э. Указ. раб. С. 236.
- ⁹⁷ Петерсон А.Ю. Указ. раб. С. 107–108; Харузин Н.Н. Указ. раб. С. 76.
- ⁹⁸ Кочкуркина С.И. Корела и Русь. Л., 1986. С. 38.
- ⁹⁹ Челищев П.И. Путешествие по Северу России в 1791. СПб., 1886. С. 144.
- ¹⁰⁰ Петерсон А.Ю. Указ. раб. С. 108; Седов В.В. Указ. раб. С. 293.
- ¹⁰¹ Косич М.Н. Указ. раб. С. 89; Синозерский М. Домашний быт крестьян Левогской вол. Боровского уезда Новгородской губернии // Живая старина. 1899. Вып. 4; Ефименко П.С. Указ. раб. С. 25.
- ¹⁰² Косич М.Н. Указ. раб. С. 90; Бусыгин Е.П. Указ. раб. С. 233.
- ¹⁰³ Ефименко П.С. Указ. раб. С. 38; Ильина И.В., Шабаев Ю.П. Указ. раб. С. 110.
- ¹⁰⁴ Шенников А.А. Длинный дом... С. 119; его же. Двор крестьян Неудачки... С. 50.
- ¹⁰⁵ Харузин А.Н. Указ. раб. С. 183.
- ¹⁰⁶ Ефименко П.С. Указ. раб. С. 25.
- ¹⁰⁷ Раппопорт П.А. Указ. раб. С. 136; Голубева Л.А. Указ. раб. С. 87–102.
- ¹⁰⁸ Колчин Б.А., Янин В.Л. Указ. раб. С. 72.
- ¹⁰⁹ Бломквист Е.П. Указ. раб. С. 256.
- ¹¹⁰ Мелентьев В. Карельские сюжеты // Изв. АОИРС. 1910. № 13. С. 22.
- ¹¹¹ Иванцкий Н.А. Материалы по этнографии Вологодской губернии // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. Вып. 2. // Изв. ИОЛЕАЭ. Т. LXIX. М. 1890. Тр. Этнографического отдела. Т. 9. Вып. 1. С. 11–12.
- ¹¹² Из «Книги драгоценных сокровищ» Абу-Али-Ахмед ибн-Омар ибн-Даста (~930-е г.) // Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. С. 266.
- ¹¹³ Монгайт А.Л. Указ. раб.
- ¹¹⁴ ПВЛ. С. 214.
- ¹¹⁵ Зеленин Д.К. Указ. раб. С. 283.
- ¹¹⁶ Косич М.Н. Указ. раб. С. 89; Харузин А.Н. Указ. раб. С. 137–138; Беларускае народнае жылле... С. 90–92.
- ¹¹⁷ Харузин Н.Н. Указ. раб. С. 11, 14–15.
- ¹¹⁸ Потанин Г.Н. Этнографические заметки на пути от г. Никольска до г. Тотьмы // Живая старина. 1899. Вып. 1–2. С. 194.
- ¹¹⁹ Харузин А.Н. Указ. раб. С. 183.

A.A. Z h e l t o v. Russian bathhouse and traditional northern life

The article considers two traditions of bath taking present among the Russian people: in the bathhouse and in the oven. The author tries to trace back their possible relation to the customs of the chronicled eastern Slavs, and the process of formation of these traditions' areas in the course of subsequent migrations of the population. The conclusions arrived at are based on various historical, ethnographic and archival materials. The author offers a reconstruction of the traditional house that had existed in the Russian North up to the 15th century and determines some specific features of daily life that confirm the development of these traditions.

© 1999 г., ЭО, № 3

Н.П. Л о б а ч е в а

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ СЕМЬИ ХОРЕЗМСКИХ УЗБЕКОВ В СЕРЕДИНЕ XX в.

В данной работе автор на основании полевых материалов 50-х годов XX в., не публиковавшихся ранее, анализирует состояние семьи узбеков южных р-нов Хорезмского оазиса, населению которого издавна присущ оседлый образ жизни с древними земледельческими традициями в ведении хозяйства, что сказалось и на сфере семейно-брачных отношений.